

Ф. С. Аухадиева, Е. А. Булычева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОДАЛЬНОСТИ ФИКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Статья представляет собой анализ категории «фиктивного» или «притворного» действия в разноструктурных языках – немецком и удмуртском. Эти языки типологически отличаются: немецкий язык является флективным, в то время как удмуртский относится к агглютинативным языкам. Модальное значение «фиктивного» или «притворного» действия имеет специфические семантические особенности. Оно близко к значению сравнения, однако связано с модальностью, на него оказывает влияние говорящий, оценивающий действие. Репрезентация значения «фиктивного» действия реализуется на всех уровнях языковой системы: морфологическом, лексическом и синтаксическом. В удмуртском языке на морфологическом уровне значение «фиктивного» или «притворного» действия передается с помощью специальных морфем: составного суффикса *-мьяськ-*, а также суффиксов *-тэмьяськ-*, *-мтэяськ-*, содержащих отрицание. Кроме того, используются неспецифические средства, например, сравнительные союзы *кадь*, *выллем* в удмуртском языке и *wie* в немецком языке, которые наряду со значением сравнения могут передавать и значение фиктивности действия. На лексическом уровне формируются специальные лексемы со сложной семантикой *аналтӱськыны* (*аналскыны*) в удмуртском языке и *sich verstellen*, *sich stellen*, *sich anstellen*, *vortäuschen*, *sich aufspielen*, *heucheln*, *imitieren*, *simulieren*, *fingieren* в немецком языке. Несмотря на большое количество глаголов, близких по значению, все они, кроме немецкого глагола *sich verstellen*, выступают в предложении только в сочетании с другими лексемами в ограниченных контекстах. Помимо этого, в немецком языке используются лексемы с корневой морфемой *schein-*. На синтаксическом уровне значение «фиктивного» или «притворного» действия реализуется чаще всего в предложениях и синтаксических конструкциях, включающих в обоих языках эквиваленты глагола 'делать' – нем. *tun* и удм. *карыны*. В работе предпринимается попытка уточнить содержательную сторону термина «глаголы фиктивного действия», используемого в удмуртском языке. По мнению авторов статьи, указанный термин используется некорректно, если он касается глагольных словоформ с суффиксами *-мьяськ-*, *-тэмьяськ-*, *-мтэяськ-*. В данном случае речь идет о морфологической категории «фиктивного» действия.

Ключевые слова: удмуртский язык, немецкий язык, грамматика, морфология, глагол, модальность «фиктивного» или «притворного» действия, репрезентация значения «фиктивного» или «притворного» действия, уровни языковой системы, глаголы «притворного» действия.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-238-247

Одной из самых спорных и противоречивых категорий современной лингвистики является категория модальности. Отчасти это связано с востребованностью термина в разных сферах исследований, начиная от логико-философских научных изысканий до практики программирования. Как известно, этот термин языковеды стали применять вслед за философами, которые понятие «модус» как способ или образ бытия, существования или мышления использовали повсеместно. Универсальность термина часто приводит к весьма широкому толкованию понятия в языкознании. О модальности говорят в связи со значениями модальных глаголов, модальных слов как особого лексико-грамматического класса слов. Кроме того, в языке выделяют модальные частицы, которые могут модифицировать значение целого высказывания, но, прежде всего, это понятие выражает одну из важнейших характеристик предложения-высказывания. Противоречивость языковых явлений, которая обозначается термином «модальность», способствовала тому, что лингвисты самых разных направлений занимались в той или иной степени изучением этой категории. Это отражено в исследованиях Ш. Балли [1955], Х. Бринкманна [Brinkmann 1962], В. В. Виноградова [Виноградов 1972], В. Г. Адмони [1986], В. В. Поздеева [Поздеев 1994], О. И. Москальской [Москальская 2004] и многих других ученых.

В современном языкознании принято противопоставлять объективную модальность субъективной [ЛЭС 1990, 303]. Объективная модальность является важной характеристикой предложения, поскольку оценивает его с точки зрения реальности происходящего события. Традиционно рассмотрение объективной модальности связывали с грамматической категорией наклонения глагола. В большинстве индоевропейских языков существовала оппозиция грамматических форм изъявительного,

условно-сослагательного и повелительного наклонений. Эти формы уже тщательно исследованы и всесторонне проанализированы.

Семантическое наполнение и средства передачи субъективной модальности отличаются большим разнообразием. Не менее разнообразны трактовки явления модальности исследователями, занимающимися данной проблематикой в различных языках, не относящихся к индоевропейской семье. В частности, это касается и удмуртского языка. В этой связи следует упомянуть работы Э. Винклера [Winkler 2011, 143–147], Т. М. Кибардиной [Кибардина 2012], Е. С. Ошановой [Ошанова 2017], освещающие различные аспекты модальности в современном удмуртском языке.

Особый интерес для авторов статьи представляют частные модальные значения в рамках субъективной модальности, не распространенные широко в языке. Речь идет о модальности «фиктивного действия», того типа субъективной модальности, который, на первый взгляд, кажется весьма несущественным языковым явлением, поскольку не часто встречается в высказываниях. Однако способы выражения его в разноструктурных языках настолько разнообразны, что могли бы вызвать практический интерес у студентов, прежде всего у тех, кого привлекают практические аспекты освоения языков и проблемы перевода.

Целью данной статьи является рассмотрение семантических особенностей и способов маркирования модальности «фиктивного действия» в немецком и удмуртском языках. Достижение цели может решить некоторые актуальные вопросы, связанные с возможным взаимоотношением категории модальности фиктивного действия и категорий темпоральности, лица и аспектуальности в языках. Кроме того, в работе предпринимается попытка уточнить содержательную сторону термина «глаголы фиктивного действия», разграничив сферу морфологии и словообразования.

Контрастивный подход дает возможность выявить универсальные и специфические черты субъективной модальности в упомянутых разноструктурных языках. Функциональный подход позволяет определить языковые средства репрезентации субъективной модальности, базирующиеся на разных языковых уровнях. Функциональный подход утвердился в германистике в XX в. благодаря работам, в частности, Л. Вайсгерберга [Weisgerber 1962]. Для этого подхода характерно комплексное рассмотрение сложных языковых явлений. Исследователи постулируют понятие функционального поля с его конституентами, ядром и периферией. Несмотря на то, что подход этот нельзя назвать новым, он является оптимальным при исследовании неоднозначных языковых явлений, к которым можно отнести явление модальности. Анализом функционального поля модальности в немецком языке занимались Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс [Гулыга, Шендельс 1969, 74–111]. Придерживаясь комплексного подхода, авторы данной статьи считают необходимым рассматривать способы репрезентации модальности фиктивного действия, относящиеся к различным уровням языковой системы: морфологическому, лексическому и синтаксическому.

Принято считать, что субъективная модальность отражает отношение субъекта высказывания к содержанию высказывания. Субъект может быть уверен в истинности высказывания или выражать ту или иную степень сомнения. Модальность сомнения может дополняться модальностью чужого высказывания, которая позволяет отличать непосредственные суждения субъекта о каком-либо предмете от представления субъектом точки зрения других людей. Степень сомнения и уверенности можно представить в виде шкалы, которая позволяет дифференцировать значения и способы их маркирования. Эти виды субъективной модальности подробно изучены в германистике, так что темы, касающиеся способов выражения уверенности, неуверенности, сомнения, вошли в практику изучения немецкого языка и описаны в современных учебниках [Buscha, Freudenberg–Findeisen u. a. 2006].

Однако всё, что касается модальности фиктивного, или притворного, действия, в германистике если и упоминалось, то, скорее, вскользь и чаще всего в сравнении с удмуртским языком, поскольку именно в удмуртском языке имеется морфема, способная передавать это модальное значение. В середине XX в. изучением категории «притворного действия» в удмуртском языке занимался известный исследователь В. И. Алатырев, который в своей статье «Глаголы притворного действия в удмуртском языке» [Алатырев 1959, 75–139] дал подробное описание упомянутой категории. Сам термин «глаголы притворного действия» вызывает определенные вопросы, поскольку автор описывает явления, относящиеся к грамматике, а не к словообразованию. В работе речь идет о грамматической категории, которая реализуется в глагольной системе удмуртского языка и имеет регулярный характер. Суффиксы *-мъяськ-*, *-мтэськ-*, *-тэмъяськ-* образуют формы глагола, а не отдельные глагольные лексемы.

При изучении указанного языкового явления исследователи пользуются терминами «фиктивность действия» [Поздеев 1994, 11–14] и «притворность, мнимость, видимость действия» [ГСУЯ

1962, 231]. Коммуникативная ситуация описывает субъекта действия, который не выполняет это действие, а лишь имитирует его, причем делает это чаще всего вполне осознанно. Субъект, как правило, контролирует ситуацию. Изображая действие, он преследует какую-либо цель. При этом можно отметить такие моменты как оценочность, субъективность, ирреалистичность. Оценочность и субъективность связаны с интерпретацией действия наблюдающим. Ирреалистичность заключается не в том, что действие нереализуемо, а в том, что это вполне реальное действие не соответствует ожиданиям наблюдающего, именно поэтому оно и получило название фиктивного, или притворного, действия. Притворные действия нельзя однозначно трактовать, приписывая словоформам негативные коннотации. Большое значение имеет контекст, даже выбор личной формы глагола. Использование формы первого лица может быть способом охарактеризовать скромность субъекта: *Мон ужамъяськисько* 'Я делаю вид, что работаю', в то время как выбор второго лица может звучать как обвинение *Тон ужамъяськиськод!* 'Ты делаешь вид, что работаешь!'.

Способы маркирования модальности фиктивного действия разнообразны. Удмуртский язык, как и большинство агглютинативных языков, богат суффиксами, особенно если речь идет о глаголах. Ранее авторы уже обращали внимание на сложность семантической структуры глагола, который в дополнение к своему лексическому значению, связанному, в частности, со статикой или динамикой, соотносённостью с субъектом действия, репрезентирует и грамматические категориальные значения. Многочисленные суффиксы дают почти неограниченные возможности реализовать эти значения [Аухадиева, Булычева 2019, 187]. Так, модальность фиктивного действия передается на морфологическом уровне суффиксами *-м-, -я-, -ськ-*; морфемы *-тэм-, -мтэ-*, входящие в состав формантов *-тэмъяськ-, -мтэяськ-*, являются суффиксами отрицания. Упомянутые суффиксы присоединяются к основе смыслового глагола. Эти суффиксы, соединяясь, могут представлять собой сложные комплексы *-мъяськ-, -мтэяськ-, -тэмъяськ-*. В современном удмуртском языке этот способ передачи значения «фиктивного действия» широко распространен, например: *Мон турнамъяськисько*. 'Я делаю вид, что кошу'. К основе глагола *турна-* (турнаны 'косить') присоединяется суффикс «фиктивного» действия *-мъяськ-* и далее суффикс 1 лица *-исько*. Фиктивность действия маркируется разными временными, личными или нефинитными формами глагола.

В следующем примере описывается фиктивное действие, которое уже произошло: *Сторожмы Харитон ке шат, кышнозэ кышкатыса, милициез утчамъяськиз* [Самсонов 1989, 140]. 'Разве что наш сторож Харитон, пугая жену, делал вид, что ищет милицию'. Словоформа *утчамъяськиз*, образованная от инфинитива *утчаны* 'искать', содержит суффикс притворного действия *-мъяськ-*, суффикс прошедшего времени *-и-*, а также суффикс 3 лица *-з*. Фиктивность действия заключается в том, что герой целенаправленно имитирует поиск милиции, но в действительности никого не ищет, преследуя цель запугать жену. Подобную имитацию действия можно наблюдать и в следующем примере с деепричастием *каремъяськыса*, образованным от глагола *карыны*: *Ассэ депутат комиссия каремъяськыса ветлiз Полина фермае*. [Самсонов 1989, 35]. 'Делая вид, что стала (сделала себя) депутатом комиссии, Полина ходила на ферму'. Следует отметить, что нередко фиктивное действие связано с реальным действием. Иными словами, чтобы изобразить видимость работы, необходимо предпринять хотя бы небольшие попытки произвести эту работу. Вот почему в языке зависимость категорий фиктивного действия и аспектуальности вполне очевидна. При этом можно наблюдать расширение функций суффикса *-мъяськ-*, который наряду с основным значением выражает действие, производимое с недостаточной интенсивностью или недостаточно длительно, с перерывами. В следующем примере автор описывает мысли голодной девочки, вспоминающей о счастливом времени, когда она ходила в детский сад, где было много еды, но она ела плохо, только для вида. Девочка задается вопросом: *Кызьы озьы со кукесоку, нълпи садэ вутлыкуз, сьиче ческыт котлетъёсты, кисьтэм йёлэз но марымъяськыса, ньомыз понна гинэ сиемъяськылiз?* [Перевозищев 2004, 7]. 'Как же она раньше, когда ходила в детский сад, такие вкусные котлеты, творог, чуть пригубив, только делала вид, что ела?'. Глагольная форма *сиемъяськылiз* 'делала вид, что она ела' образована от инфинитива *сиыны* 'есть'. Конечно же, девочка, делая вид, что ест, в действительности ела, однако ела очень мало, лишь для вида, и этот фиктивный оттенок передается дополнительными лексическими средствами *ньомыз понна гинэ* 'только для вида'. Как было отмечено выше, реализация значения фиктивного действия связана с категорией лица. Наиболее часто встречаются предложения-высказывания от 3 лица. Модификация значения чаще происходит в 1 и во 2 лицах. Предложение *Мон ужамъяськисько* 'Я делаю вид, что работаю' может выражать в семантическом плане различные ситуации, в частности: 1) субъект лишь создает видимость работы с целью ввести кого-либо в за-

блуждение; 2) субъект действительно работает, но недостаточно интенсивно; 3) субъект очень хорошо работает, но ему неловко восхвалять себя. Предложение от 2 лица наряду с основным значением может иметь яркую эмоциональную окраску, связанную с обвинением: *Кин со – Назаров? Нош ик тодымтэяськиськоды?* [Самсонов 1989, 21]. ‘Кто он – Назаров? Снова **делаете вид, что ничего не знаете?**’. В словоформе *тодымтэяськиськоды* к основе инфинитива *тоды-* (*тодыны* ‘знать’) добавляются суффиксы отрицания и притворной модальности *-мтэяськ-*, суффикс настоящего времени *-исько-* и суффикс 2 лица множественного числа *-ды*. Интересно, что следующее предложение является эмоционально окрашенным благодаря также форме второго лица: *Валамтэяськиськод? – киоссэ кусказ вугияса, аяз султйз Аля* [Самсонов 1989, 62]. ‘**Делаешь вид, что не понимаешь?** – Положив руки на пояс, перед ним встала Аля’.

Следует отметить, что глагольные словоформы с суффиксом *-мьяськ-* писатели часто используют для передачи эмоционального состояния своих героев: *Ужаны ветлэмьяське, жёк съёрын пуньызэ мырдэм вормыса жутъя, телевизор азын лйял кадь пуке...* [Самсонов 1989, 45]. ‘**Делает вид, что ходит** на работу, за столом кое-как ложку поднимает, перед телевизором, **словно** пенек, сидит...’. В указанном примере герой в действительности ходит на работу, но трагические события жизни заставляют его думать не о работе, а совсем о других вещах. Дополнительно используется сравнительный союз *кадь*.

При передаче эмоционального состояния важную роль играет и семантика самих глаголов: *Виктор Васильевич пальпотэмьяськыса (асьтэос валаськоды, солэн мылкыдыз али пальпотано кадь ёвёл) кышноез доры лыктйз но солэсь чужпыр йырсиосызлэсь бабляоссэ маяллыны кутскиз* [Валишин 2004, 251]. ‘Виктор Васильевич, **делая вид, что улыбается** (сами понимаете, у него настроение сейчас как бы не до улыбки), к жене пришел и её кудри стал гладить’. В указанном примере деепричастная форма *пальпотэмьяськыса* образована от глагола *пальпотыны* ‘улыбаться’, который относится к глаголам эмоционального состояния.

Как можно заметить, ситуации, передаваемые с помощью суффикса *-мьяськ-*, могут описывать множество действий, которые относятся к субъекту действия – человеку. Этот маркер встречается также в глагольных формах в контексте описания природных явлений, например, выпадения осадков, сверкания молнии и тому подобное: *Туннэ куазь быдэс нунал зоремьяське ни, ужаны но уг сёты*. ‘Сегодня целый день уже **идет дождь** (моросит), работать не дает’. Суффикс *-мьяськ-* в представленном примере не связан ни с фиктивностью, ни с действием, он выражает малую степень интенсивности процесса. Словоформа *зоремьяське*, образованная от глагола *зорыны* ‘идти’ (о дожде), означает, что ‘идет слабый (несильный) дождь’. В следующем примере можно наблюдать модификацию значения, при которой модальность фиктивного действия преобразуется в модальность предположения: *Алнашын гудыръямьяське кадь*. ‘В Алнашах, кажется, гром гремит’. Модальность предположения в данном случае усиливается союзом *кадь* ‘словно’.

Подводя предварительные итоги использования морфологических средств в удмуртском языке, можно сказать, что суффиксы категории «фиктивного» или «притворного» действия *-мьяськ-*, *-мтэяськ-*, *-тэмьяськ-* имеют регулярный характер и относятся к средствам словоизменения, а не словообразования. В большинстве случаев использование термина «глаголы притворного действия» не является корректным, поскольку форманты *-мьяськ-*, *-мтэяськ-*, *-тэмьяськ-* образуют формы глагола, а не отдельные глагольные лексемы. Речь идет о репрезентации грамматической категории «фиктивности действия». Однако если мы говорим о глаголах, образованных от прилагательных с помощью суффикса *-мьяськ-*, то употребление указанного термина может быть вполне уместным, например: *шудтэм* ‘несчастливый; несчастный’ – *шудтэмьяськыны* ‘притвориться, что стал несчастным’; *вожасьтэм* ‘неревнивый’ – *вожасьтэмьяськыны* ‘притвориться, что не являешься ревнивым’. В данном случае мы имеем дело с отдельными глагольными лексемами [ГСУЯ 1962, 234].

Значение фиктивного действия часто опирается на сравнение, поэтому в удмуртских предложениях наряду с суффиксами можно встретить союзы *кадь* и *выллем* ‘словно, будто’, однако эти средства являются лишь дополнительными и в некоторых случаях могут передавать фиктивность действия. Подобное наблюдаем на примере немецкого союза *wie*, который в редких случаях может передавать семантику фиктивного действия, хотя чаще всего служит для передачи сравнения: *Er urteilt wie ein Spezialist*. ‘Он выносит суждения **как** специалист’.

Лексический уровень демонстрирует большое разнообразие средств выражения притворного действия. Семантика фиктивного действия является значимой, что приводит к образованию специфических глагольных лексем в языках: *притворяться* – в русском языке, *аналтйськыны* – в удмурт-

ском языке, *imitieren, simulieren, fingieren, heucheln, sich aufspielen, vortäuschen* – в немецком языке. Кроме того, в немецком языке возникает множество глаголов в результате семантического словообразования: *sich stellen, sich anstellen, sich verstellen*. Кроме глаголов формируются прилагательные, наречия, модальные слова, которые также могут входить в состав фразеологических единиц. Например, в немецком языке используются лексемы с корневой морфемой *-schein-*: *sich (D.) den Anschein geben, scheinbar, anscheinend, der Schein, zum (bloßen) Schein*.

Рассмотрим языковые единицы лексического уровня подробнее, начиная с немецкого глагола *fingieren*. Его русскими эквивалентами являются глаголы ‘выдумывать’, ‘симулировать’, при этом речь идет о человеке, который, например, намеренно демонстрирует некие, чаще всего положительные качества, которыми он в действительности не обладает: *Entschlossenheit, Einsicht fingieren*. Субъект действия может в целом изображать действия другого человека, выдавать себя за другого человека, таковым не являясь: *Er fingiert einen Polizisten, einen Geschäftsmann*. ‘Он изображает полицейского, бизнесмена’. Иногда речь идет о предметах, изделиях, документах, фактах, доказательствах, которые подделываются, фабрикуются и выдаются за настоящие: *ein Dokument, eine Rechnung fingieren*. В связи с этим можно упомянуть и причастие *fingiert*, которое можно перевести как ‘мнимый’, ‘ненастоящий’, ‘сфабрикованный’, ‘поддельный’, ‘лживый’ в зависимости от соотнесенности с определенным денотатом.

Как уже было отмечено, значение фиктивного действия часто связано со сравнением или даже подражанием, примером чего может служить немецкий глагол *imitieren*. Глагол имеет следующие значения: 1) ‘имитировать какое-то действие’; 2) ‘подражать кому-либо’: *j-s Ansehen* ‘внешность’ *Stimme* ‘голос’, *eine Krankheit* ‘болезнь’, *einen Kranken* ‘больной’ *imitieren*. В следующем предложении герой пытается говорить с официантом по-португальски, подражая своему брату: *Nach dem Kaffee – Oitos bicas, faz favor! ruft Paulchen dem Kellner zu – imitiert Taddel, dem mit Nanans tätiger Hilfe vor Wochen eine Tochter geboren wurde...* [Grass 2008, 193]. ‘После кофе Паульхен кричит официанту – *Oitos bicas, faz favor!* – подражает Таделю, у которого несколько недель назад родилась дочь’. Глагол может описывать вполне нейтрально, без негативных коннотаций, действие, связанное с подражанием какому-либо человеку или его умению, как представлено в последнем примере. Негативный контекст возникает при сочетании с существительными, описывающими боль, болезнь, страдания (*Schmerzen, Leiden, eine Krankheit*). Это употребление сближает его с глаголом *fingieren*. Дальнейшее семантическое расширение данного глагола позволяет соотносить его с неодушевленными предметами и описывать, в частности, процесс производства искусственных материалов. В зависимости от того, к чему относится причастие *imitiert*, оно может переводиться как ‘поддельный’, ‘искусственный’, ‘ненастоящий’. Следует отметить основное отличие семантически близких глаголов: *fingieren* акцентирует внимание на поддельности, в то время как *imitieren* подчеркивает стремление субъекта к подражанию кому-либо или чему-либо, к сходству с кем-то или чем-то. Глаголы *heucheln, sich aufspielen, vortäuschen* используются в ограниченных контекстах, как правило, они не функционируют как одновалентные.

Следующая группа немецких глаголов со значением ‘притворяться’ связана с поведением субъектов: *sich stellen, sich anstellen, sich verstellen*. Семантика притворства не была присуща изначально этим глаголам, первично глаголы были связаны с размещением субъекта в пространстве, на что косвенно указывает глагольная основа. Возникает вопрос о целесообразности существования большого количества аналогичных языковых единиц, противоречащего, казалось бы, закону языковой экономии. На самом деле семантика притворства более явно выражается лишь в глаголе *sich verstellen* благодаря префиксу, значение которого связано с изменением. Очень часто используется глагол *verstellen* в значении ‘намеренно изменить’: *Er hat seine Stimme verstellt*. ‘Он изменил свой голос’. Глагол *sich verstellen* может быть одновалентным: *Sie verstellt sich immer*. ‘Она всегда притворяется’. Важно, что в семантике самого глагола заключена фиктивность действия. Это демонстрируют следующие предложения: “*Du verstellst dich?*” – “*Natürlich! Weißt du das nicht? Man muß sich verstellen, sonst schlagen sie einen ans Kreuz*”. ‘Ты притворяешься?’ – ‘Конечно! Разве ты не знаешь? Нужно притворяться, иначе они тебя пригвоздят к кресту’. Героиня утверждает, что притворяется, обманывая окружающих, чтобы выжить. Как можно заметить, часто глагол *sich verstellen* связывается в высказываниях с модальными глаголами: *Man muß sich verstellen* ‘Необходимо притворяться’. *Du mußt dich nicht verstellen*. ‘Тебе не надо притворяться’.

Глаголы *sich stellen, sich anstellen* без сочетания с другими лексемами семантику притворного действия не передают. В предложениях они сочетаются с ограниченным количеством прилагатель-

ных (*krank, taub, naiv, dumm*) или причастий (*schlafend*), поэтому они описывают более конкретные ситуации. Кроме того, глагол *sich anstellen* часто используется в составе сложноподчиненного предложения с придаточным предложением нереального сравнения: *Gerhard stellte sich an, als ob er nichts davon wüsste*. 'Герхард изображал, что ничего об этом не знал'.

Как уже было отмечено выше, в немецком языке используется множество лексем с основой *-schein-*: *sich den Anschein geben, scheinbar, anscheinend, der Schein, zum Schein (machen)*. Эта корневая морфема ассоциирована с глаголом *scheinen* 'казаться'. Семантика глагола *scheinen* напрямую не связана ни с фиктивностью, ни с действием. Значение глагола отражает восприятие субъектом процесса, действия или с оценкой какого-то факта. Глагол *scheinen* чаще всего выступает в инфинитивных конструкциях, реже – в сложноподчиненных предложениях. Приведем в качестве примера два простых предложения: *Er scheint viel zu arbeiten. Das Buch scheint spannend zu sein*. Несмотря на то, что глагол *scheinen* в первом предложении согласуется с подлежащим *er*, значение глагола соотносится со всем высказыванием, а предположение исходит не от субъекта действия (*er*), а от говорящего: 'Кажется, что он много работает'. Аналогичное положение вещей наблюдаем во втором предложении: 'Кажется, что книга интересная'. Говорящему кажется, что книга интересная. Указанные примеры в определенной степени объясняют то обстоятельство, почему глагол *scheinen* 'казаться' не используется как средство выражения фиктивной модальности. Однако при определенных условиях, опосредованно, через восприятие говорящего (оценивающего) субъекта глагол может иметь отношение и к действию, и к потенциальной фиктивности. И это последнее утверждение позволяет понять, почему глагольная основа *-schein-* в составе других лексем чрезвычайно востребована при описании фиктивного действия. Выражения *sich (D.) den Anschein geben* и близкое ему по форме и содержанию *sich (D.) den Schein geben* содержат в своем составе глагол *sich geben*, означающий 'делать вид', 'притворяться', и существительные *der Anschein* и *der Schein* со значением 'вид внешний', 'видимость'. Теоретически можно было бы рассматривать эти единицы независимо друг от друга, однако при передаче фиктивного действия важно рассматривать глагол и существительное в комплексе. Чаще всего выражение *sich (D.) den Anschein geben* используется в составе инфинитивных конструкций, например: *Der Mann gab sich den Anschein, ein talentvoller Maler zu sein*. 'Мужчина изображал талантливого художника'. Выражение *sich (D.) den Schein geben* может функционировать в сложных предложениях с придаточным предложением нереального сравнения: *Anna gibt sich den Schein, als ob sie alle Aufgaben selbst erledigen wolle*. 'Анна делает вид, что она хочет сама выполнить все задания'.

Существительное *der Schein* как нечто видимое, кажущееся, часто противопоставляется реальному, действительному, сущностному, выступая как элемент устойчивых фразеологических единиц: *Schein und Sein, Schein und Wirklichkeit, Schein und Wesen*. Кроме того, *der Schein* является компонентом композит, передающим семантику видимого, мнимого действия, явления или лица, например: *der Scheinangriff* 'ложная атака', *die Scheinanlage* 'ложное сооружение', *das Scheinargument* 'ложный аргумент', *der Scheinasylant* 'мнимый беженец', *die Scheinbeschäftigung* 'работа для вида', 'фиктивная работа', *der Scheinbeweis* 'ложное доказательство', *die Scheindemokratie* 'фиктивная демократия', *die Scheinehe* 'фиктивный брак', *der Scheinerfolg* 'мнимый успех'. Чрезвычайная продуктивность данной модели позволяет использовать ее в современном политическом дискурсе. Семантика существительного *der Schein*, связанная с фиктивностью, проявляется отчетливо в предложной конструкции *zum Schein* 'для вида', что можно наблюдать в следующем примере: *Sie ist zum Schein weggegangen und hat ihn dann heimlich beobachtet*. [Langenscheidt 2010, 920]. 'Она ушла только для вида, а потом тайком следила за ним'. Конструкция *zum Schein* имеет синонимичное прилагательное *scheinbar* 'мнимый', 'кажущийся', 'для вида', например: *Er ist scheinbar krank*. 'Он болен для вида (он делает вид, что болен)'. Негативная коннотация часто проявляется в высказываниях с анализируемыми лексемами, однако она не обязательна. Это иллюстрирует следующий пример: герой романа Э. М. Ремарка, пребывая в состоянии страха, изображает безмятежность (*scheinbar gelangweilt* 'скучающий для вида'), чтобы не вызвать подозрение у полиции. *Die Furcht vor der Polizei verläßt den Flüchtling nie, nicht einmal im Schlaf, auch wenn er nichts zu fürchten hat – deshalb drehte ich mich scheinbar gelangweilt um und verließ den Quai wie jemand, der vor nichts Angst zu haben braucht*. [Remarque 2004, 6] 'Страх перед полицией не оставляет беженца никогда, даже во сне, даже если нет причин для страха, поэтому я повернулся, скучающий для вида, и ушел по набережной как человек, которому нечего бояться'.

Лексический уровень средств репрезентации категории фиктивного действия в удмуртском языке представлен глаголом *аналтӱськыны* (*аналскыны*). В «Удмуртско-русском словаре» представлены четыре основных значения данного глагола: 1) 'симулировать', 'притвориться'; 2) 'остаться незавершенным (незаконченным)'; 3) 'поленился', 'ленился'; 4) 'быть заброшенным (запущенным)'

[УРС 2008, 43]. Как показывает наш источниковый материал, указанный глагол чаще встречается в значении 'ленился': *Öd ke **аналтйськы**, гужем юрт котырын но уж тырмоно гинэ*. [Чернов 1996, 480] 'Если ты **не будешь лениться**, летом и в хозяйстве работы достаточно'; *Аналскид ке, ымад вуэм пуньыед но секыт потоз* [УРС 2008, 43]. 'Если **будешь лениться**, то даже ложка, положенная в рот, покажется тяжелой'. Что касается значения 'притворяться', оно реализуется лишь во взаимодействии с уточняющими словами. Семантика фиктивного действия глагола *аналтйськыны* (*аналскыны*) предположительно может быть связана с нежеланием совершать какое-либо действие, и могла развиться из значения 'ленился'. Имеется небольшое количество слов, в сочетании с которыми данный глагол выступает со значением фиктивного действия. Некоторые примеры: *шузи улэ **аналскыны** 'прикидываться дураком', висись улэ **аналскыны** 'притвориться больным'* [Дзюина 1967, 122].

Языковые средства синтаксического уровня для репрезентации фиктивности действия в немецком языке в основном представлены одним типом сложноподчиненного предложения, состоящим из главного предложения и придаточного нереального сравнения, объединенных союзами *als* и *als ob*. В главном предложении описывается поведение субъекта с помощью глаголов *tun*, *sich anstellen*, *sich benehmen*, выражения *sich (D.) den Schein geben* и других лексем, которые могут выражать действие или поведение субъекта. Наиболее часто используемым является глагол *tun*. Фиктивность действия передается формой сказуемого придаточного предложения, выраженного личной формой глагола в конъюнктиве. В отличие от других типов нереальных придаточных предложений, в нереальных предложениях сравнения используются формы конъюнктива первого и второго, смысл высказывания при этом сохраняется: *Peter tat so, als ob er nichts **verstehe** / **verstünde***. Форма сложного предложения позволяет передавать более обширную палитру значений – от обычных конкретных до абстрактных обобщенных. Пример самой обыденной ситуации: герой романа Э. М. Ремарка, движимый любопытством, наблюдает, выглянув из окна, за знакомой девушкой, однако ему неловко, и он делает вид, что машет кому-то рукой: *Ich blicke hinaus, aber ich sehe sie nicht an, sondern **tue**, als winke ich jemand auf der Straße zu* [Remarque 2005, 6]. 'Я гляжу из окна, но не смотрю на неё, а **делаю вид**, словно машу кому-то на улице'. Эта невинная бытовая картина проста и конкретна, она очень точно передает фиктивное, мнимое действие.

Однако в предложении-высказывании речь может идти о поведении героя в целом, обобщенно, о ситуации, которую сложно очертить однозначно, как в следующем примере: *Auf dem Bahnhof in Glückstadt **hat er noch so getan**, als **wür** alles okay mit ihm*. [Grass 2008, 176]. 'На вокзале в Глюкштадте он **вел себя** так, словно у него все было хорошо ...'; *Tat dabei so, als **würd** bei uns im Haus und auch sonst alles normal ...* [Grass 2008, 75]. 'Он **вел себя так**, словно и в доме, и в остальном **было всё** нормально'. Автор романа понимает, что поведение главного героя было далеко от идеала, однако он на это не обращал внимания и ничего не хотел менять.

Как уже было отмечено выше, при передаче семантики фиктивного действия в высказываниях часто проявляется негативная оценка субъекта действия, который действует иначе, чем мог бы, без должной активности или искренности. Однако в ситуации опасности, которая угрожает человеку, фиктивное действие может быть спасительным, как в следующем примере: *Ich **tat**, als **wäre** es ein Witz; aber ich wußte nicht genau, wie ich das Geld erklären sollte, wenn eine Körperuntersuchung folgen würde* [Remarque 2004, 134]. 'Я **вел себя так**, словно все это **было** шуткой, но я не знал, как мне объяснить наличие денег, если бы меня начали обыскивать'.

Форма сложноподчиненного предложения позволяет использовать глагольные формы различных семантик, давая возможность строить высказывания, не относящиеся к фиктивному действию: *Er sah aus, als ob er nichts höre*. 'Он выглядел так, словно ничего не понимал'. Эти предложения могут передавать даже процессы, происходящие с неодушевленными предметами, а также явления природы: *Es sah so aus, als ob es regnen werde / würde*. Отсутствие активного субъекта передается с помощью безличного местоимения *es*.

Репрезентация «притворного действия» на синтаксическом уровне в удмуртском языке, как и в немецком (с глаголом *tun*), осуществляется с помощью глагола *карыны* с семантикой 'делать'. В глагольных конструкциях *карыны* выполняет функцию вспомогательного глагола, являясь носителем основных категориальных значений (времени, наклонения, лица, числа). Главным носителем лексического значения является причастие с конечной морфемой *-м*. Эта глагольная синтаксическая конструкция является достаточно распространенной в удмуртском языке, так что может ассоциироваться с немецкими предложениями сравнения, в которых также выступает глагол *tun* с семантикой 'делать'. На это сходство указывает Э. Винклер в своей грамматике, сравнивая синтаксические единицы *izam karini* и *so tun, als ob man arbeitet*, 'делать вид, что работаешь' [Winkler 2011, 124]. Фиктивное дей-

ствие выражается причастиями, что можно наблюдать в следующих предложениях: *Кен быдэс нунал бакчаын ужам каре ни*. ‘Сноха целый день на огороде **делает вид, что работает**’; *Котькуд чукна пиналзы жул сием каре*. ‘Каждое утро их ребенок **делает вид, что ест кашу**’; *Эие «Зардон» ансамблын кырзам каре*. ‘Мой друг/подруга в ансамбле «Зардон» **делает вид, что поет**’. Фиктивное действие, репрезентируемое в анализируемых конструкциях, может относиться не только к действиям как таковым – *работать, читать, писать, играть, петь, строить*, но и к глаголам, связанным с движением, говорением, мышлением, восприятием. Эти конструкции могут использоваться в самых разнообразных высказываниях. Причастия нередко содержат отрицание, например: *Мон адзымтэ, кылымтэ кариськисько* [Медведев 1984, 223]. ‘Я **делаю вид, что не вижу, не слышу**’; *Ваньдэс тйледыз дышетано вал, – Лаврентэй кылымтэ кариськиз* [Медведев 1984, 165]. ‘**Всех бы вас научить, – Лаврентэй сделал вид, что не слышал**’.

Подводя общие итоги, можно заключить, что в немецком и в удмуртском языках для передачи модальности фиктивного действия используются средства, представленные на различных языковых уровнях. В удмуртском языке центральными способами репрезентации фиктивного действия являются элементы морфологического уровня (соответствующие суффиксы) и синтаксического уровня (глагольные конструкции с причастиями), средства лексического уровня можно отнести к периферийным. В немецком языке ядро категории фиктивного действия составляют средства синтаксического уровня (сложноподчиненные предложения), лексические средства по-разному удалены от центра – ближе к центру расположен глагол *sich verstellen*, существительное *Schein*, прилагательное *scheinbar*. Остальные средства лексического уровня относятся к периферии. Важно отметить, что в обоих анализируемых языках большую роль играют глаголы с семантикой ‘делать’ – нем. *tun* и удм. *карыны*, которые участвуют в репрезентации модальности фиктивного действия на синтаксическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй современного немецкого языка. М.: Просвещение, 1986. 336 с.
- Алатырев В. И. Глаголы притворного действия в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. статей. Т. 1. Ижевск, 1959. С. 73–139.
- Аухадиева Ф. С., Булычева Е. А. Особенности грамматикализации глаголов самостоятельного перемещения в разноструктурных языках // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, вып. 2. С. 186–197.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1955. 416 с.
- Валишин Р. Г. Тёл гурезь. Ижевск: Удмуртия, 2004. 352 б.
- Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. Т. 2. Изд. АН СССР. М.-Л., 1950. С. 38–79.
- ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. 376 с.
- Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1969. 183 с.
- Дзюина К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск: Удмуртия, 1967. 131 с.
- Кибардина Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 196 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Медведев Г. С. Лёзя бесмен: Роман-трилогия. Ижевск: Удмуртия, 1984. 704 б.
- Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. М.: Академия, 2004. 352 с. Немецко-русский словарь: 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1998. 1040 с.
- Оцанова Е. С. Роль модальных частиц в формировании когнитивной базы и коммуникативно-прагматической перспективы высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 23 с.
- Перевоицков Г. Х. Шелеп. Ижевск: Удмуртия, 2004. 463 б.
- Поздеев В. В. Категория фиктивности действия в современном удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 7. С. 11–15.
- Самсонов С. А. Вужер. Ижевск: Удмуртия, 1989. 358 б.
- УРС – Удмуртско-русский словарь: Около 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
- Чернов П. К. Казак воргорон: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1996. 480 б.
- Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. 654 s.

Buscha J., Freudenberg-Findeisen R., Forstreuter E., Koch H., Kuntzsch L. Grammatik in Feldern. Ismaning. Max Hueber Verlag. 2006. S. 307–331.

Grass G. die Box. Stedl Verlag Göttingen, 2008. 215 s.

Langenscheidt Großwörterbuch. Berlin, München, Wien, Zürich, New-York: Langenscheidt, 2010. 1307 s.

Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. СПб.: Karo, 2005. 480 s.

Remarque E. M. Die Nacht in Lissabon. М.: Менеджер, 2004. 336 s.

Weisgerber L. Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik. Düsseldorf, 1962. 431 s.

Winkler E. Udmurtische Grammatik. Göttingen. 2011. 181 s.

Поступила в редакцию 03.02.2022

Аухадиева Фания Сабировна,

кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1,

E-mail: limk216a@mail.ru

Булычева Елена Александровна,

кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1,

E-mail: bulychevae@mail.ru

F. S. Aukhadieva, E. A. Bulycheva

REPRESENTATION OF SIMULATIVE ACTION MODALITY IN LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-238-247

The paper presents an analysis of the simulative action category and its representation in German and Udmurt. These languages are typologically different: German is an inflectional language, while Udmurt belongs to agglutinative languages. The modal meaning «simulative action» has its specific semantic features. Despite the fact that it is semantically close to the comparison meaning, it is also connected with the modality and influenced by subjective evaluation of a speaker. The representation of modal meaning «simulative action» covers all levels of the language system: morphological, lexical and syntactic. The simulative action meaning on the morphological level in the Udmurt language is expressed by the complex suffix *-myask-* and its combinations with the negative suffix *-te-*: *-temyas'k-*, *-mteyas'k-*. In German there are no specific affixes to express simulative action. Other linguistic means like comparative conjunctions *kad'*, *vyllem* in Udmurt or *wie* in German are used very rarely and can be considered as additional ones. Linguistic means of the lexical level demonstrate a large diversity: German verbs *sich verstellen*, *sich stellen*, *sich anstellen*, *vortäuschen*, *sich aufspielen*, *heucheln*, *imitieren*, *simulieren*, *fingieren*, Udmurt verbs *analskyny*, *analtiskyny*. In spite of wide range of semantically similar verbs, all of them except *sich verstellen* are used only in combination with other lexemes in restricted contexts. There are also some German lexemes derived from the verb *scheinen*. In both languages the semantics of the simulative action on the syntactic level can be expressed by syntactic units including an equivalent of the verb «to do» – *karyny* and *tun*. The authors specify the term «simulative action verbs» in Udmurt. They believe that the term is used incorrectly, when it comes to the verbal forms with suffixes *-myas'k-*, *-temyas'k-*, *-mteyas'k-*.

Keywords: Udmurt language; German language; grammar; morphology; verb; simulative action modality, representation of simulative action meaning, levels of language system, simulative action verbs.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol.16, issue 2. P. 238–247. In Russian.

REFERENCES

Admoni V. G. Teoreticheskaya grammatica nemeckogo yazyka: Stroi sovremennogo nemeckogo yazyka [Theoretical grammar of the German language: system of modern German language]. Moscow, Prosveshcheniye, 1986. 336 p. In Russian.

Alatyrev V. I. Glagoly prityvornogo deistviya v udmurtskom yazyke [Verbs of feigned action in the Udmurt language] Voprosy udmurtskogo yazykoznanija: Sb. statei. T. 1. Izhevsk, 1959. P. 73–139. In Russian.

Aukhadieva F. S., Bulycheva E. A. Osobennosti grammatikalizacii glagolov samostoyatel'nogo peremeshcheniya v raznostrukturnykh yazykakh [Specific gramaticalization features of the independent movement verbs in languages with

different structure] *Ezhagodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. T. 13, vyp. 2. P. 186–197. In Russian.

Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, Izd-vo lit-ry na inostr. yaz. 1955. 416 p. In Russian.

Brinkmann H. *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung* [German. Shape and Output]. Düsseldorf, Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. 654 s. In German.

Buscha J., Freudenberg-Findeisen R., Forstreuter E., Koch H., Kuntzsch L. *Grammatik in Feldern* [Grammar in Fields]. Ismaning. Max Hueber Verlag, 2006. S. 307–331. In German.

Chernov P. K. *Kazak vorgoron: Povestyos* [The Cossack: Novels]. Izhevsk, Udmurtiya, 1996. 480 p. In Udmurt.

Dzyuina K. N. *Kratkii udmurtsko-russkij frazeologiceskij slovar*. [Brief Udmurt-Russian Phraseological Dictionary]. Izhevsk, Udmurtiya, 1967. 131 p. In Russian.

Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Phonetika i morfologiya [Grammar of the modern Udmurt language. Phonetics and morphology]. Izhevsk: Udmurtskoye knizhnoye izdatelstvo, 1962.. 376 p. In Russian.

Grass G. *die Box* [The Box]. Stedl Verlag Göttingen, 2008. 215 s. In German.

Gulya E. V., Shendels N. I. *Grammatiko-leksicheskiye polya v sovremennom nemeckom yazyke*. [Grammar and lexical fields in modern German]. Moscow, Vysshaya shkola, 1969. 183 p. In Russian.

Kibardina T. M. *Sredstva vyrazheniya modalnosti v udmurtskom yazyke* [Means of expressing modality in the Udmurt language]. Izhevsk, Izd-vo "Udmurtskii universitet", 2012. 196 p. In Russian.

Langenscheidt Großwörterbuch [Langenscheidt Dictionary]. Berlin; München; Wien; Zürich; New-York, Langenscheidt, 2010. 1307 s. In German.

Lingvisticheskii entsyklopedicheskii slovar [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / pod red. V. N. Yartsevoi. Moscow, Sovetskaya Encyklopediya, 1990. 685 p. In Russian.

Medvedev G. S. *Lozya besmen* [Lozya field]: Roman-trilogiya. Izhevsk, Udmurtiya, 1984. 704 p. In Udmurt.

Moskalskaya O. I. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo yazyka* [Theoretical grammar of a modern language]. Moscow, Academia, 2004. 352 p. In Russian.

Nemetsko-russkii slovar [German-Russian dictionary]: 5. izd., stereotip. Moscow, Rus. yaz., 1998. 1040 p. In Russian and German.

Oshanova E. C. *Rol modalnyh chastic v formirovaniy kognitivnoj bazy i kommunikativno-pragmaticheskoi perspektivy vyskazyvaniya* [The role of modal particles in the formation of the cognitive base and the communicative-pragmatic perspective of the utterance]: avtoref. dis. ... kand. philol. nauk. Moscow, 2017. 23 p. In Russian.

Perevoshchikov G. H. *Shelep* [Sliver]. Izhevsk, Udmurtiya, 2004. 463 p. In Udmurt.

Pozdeev V. V. *Kategorii fiktivnosti deistviya v sovremennom udmurtskom yazyke* [Categories of action fictitiousness in the modern Udmurt language] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 1994. N. 7. P. 11–15. In Russian.

Remarque E. M. *Der schwarze Obelisk* [The Black Obelisk]. Saint Petersburg, Karo, 2005. 480 s. In German.

Remarque E. M. *Die Nacht in Lissabon* [The Night in Lisbon]. Moscow, Менеджер, 2004. 336 s. In German.

Samsonov S. A. *Vuzher* [Shadow]. Izhevsk, Udmurtiya, 1989. 358 p. In Udmurt.

Udmurtsko-russkiy slovar [Udmurt-Russian Dictionary]: Okolo 50 000 slov / sost. RAN. UrO. Udm. in-t IYAL; sost. T. R. Dushenkova, A. V. Egorov, L. M. Ivshin, I dr.; otv. red. L. E. Kirillova. Izhevsk, 2008. 925 p. In Udmurt and Russian.

Valishin R. G. *Tol gurez* [Windy mountain]. Izhevsk, Udmurtiya, 2004. 352 p. In Udmurt.

Vinogradov V. V. *O kategorii modalnosti i modalnyh slovah v russkom jazyke* [The category of modality and modal words in Russian] // *Trudy In-ta russkogo yazyka AN SSSR*. T. 2. Izd. AN SSSR. Moscow-Leningrad, L., 1950. P. 38–79. In Russian.

Weisgerber L. *Grundzüge inhaltsbezogenen der Grammatik* [Basic Features of Content-related Grammar]. Düsseldorf, 1962. 431 s. In German.

Winkler E. *Udmurtische Grammatik* [Udmurt Grammar]. Göttingen, 2011. 181 s. In German.

Received 03.02.2022

Aukhadieva Faniia Sabirovna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

Udmurt State University,

1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation,

E-mail: limk216a@mail.ru

Bulycheva Elena Aleksandrovna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

Udmurt State University,

1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation,

E-mail: bulychevae@mail.ru